

† "Блокада 1920 года: Благородный риск Одессы"

Зима 1920 года и весь 1921 год был в Одессе временем блокады. Море месяцами лежало, как мертвый плат, без единого пароходного дыма. От Советского севера Одесса была отрезана разрушенными железными дорогами, налетами всяческих банд, "дикими территориями", где не было никакой власти, взорванными мостами. Флот был уведен в разные порты Средиземного моря. Это и вызывало ту некоторую обособленность одесской жизни, какую нельзя было не заметить даже при самом беглом знакомстве с революционными событиями на нашем юго-западе.

А между тем союзная эскадра уже крейсировала у берегов Одессы, выслав вперед для разведки итальянский миноносец "Ракия".

И вот произошел случай, резко изменивший всю обстановку. Миноносец "Ракия" наскочил на мину на траверсе Большефонтанского маяка. Внешним проявлением этого события был только легкий гул, докатившийся до города с моря. Но он никого не встревожил.

Одесские рыбаки с Золотого берега, Большого Фонтана, с дачи Ковалевского и из Люстдорфа - люди опытные и спокойные - немедленно вышли на своих шаландах к месту взрыва, подобрали уцелевших итальянцев, сняли с тонущего миноносца убитых и доставили их на берег раньше, чем успели подойти на помощь корабли эскадры.

Тела погибших итальянцев привезли в Одессу. Командующему эскадрой было передано радио. В нем сообщалось, что город, удрученный этим несчастьем, берет на себя похороны доблестных итальянских моряков, приглашает командира эскадры прибыть на торжественную церемонию и просит выслать для отдания последних почестей погибшим отряды моряков.

Адмирал ответил согласием, - больше ему ничего не оставалось делать. А наутро от порта до Куликова. поля около вокзала где была приготовлена братская могила, выстроились красноармейские части и отряд наших моряков без оружия. На всех домах висели траурные флаги. Путь похоронной процессии был усыпан цветами и ветками туи. Сто тысяч одесситов присутствовало на этих похоронах - почти все тогдашнее население города. Гробы несли на руках портовые рабочие. За ними шли с винтовками, опущенными дулами к земле, загорелые итальянские матросы. Играли оркестры с иностранных судов и сборный оркестр Одессы.

В церкви Ново-Афонского подворья печально и похоронно звонили колокола. Крыши домов были черны от людей.

Над могилой говорили речи. Итальянцы слушали их, держа винтовки "на караул". Потом отдаленный прощальный залп кораблей слился с ружейным залпом на Куликовом поле.

Братская могила превратилась в пирамиду цветов.

После похорон для иностранных моряков был устроен в бывшем кафе Фанкони ужин.

После таких похорон не могло быть, понятно, и речи о бомбардировке и о восстании.

Матросы иностранных кораблей не допустили бы этого. Они были благодарны за почет, оказанный Одессой их погибшим товарищам, и были растроганы дружеским приемом.

Старый адмирал, похожий, как говорили, на Джузеппе Верди, понял, что дело пока что проиграно. Он отдал эскадре приказ возвращаться в Константинополь. И эскадра скрылась в вечерней черноморской мгле, оставив напроизвол судьбы деникинских офицеров.

Одесская власть пошла на огромный риск, допустив в город отряды вооруженных иностранных матросов. Но это был благородный риск, и Одесские большевики, устроив эти похороны, выиграли бескровное сражение у интервентов.

(Из книги Константина Паустовского "Время больших ожиданий")